

Любовь не с первого взгляда

Автор:

[Вера Колочкова](#)

Любовь не с первого взгляда

Вера Александровна Колочкова

О мечте, о любви, о судьбе

Надежда Сухарева выросла в семье с отцом-алкоголиком и матерью, измученной этим горем. Для девочки Нади единственным счастливым спасением от семейных драм служили поездки на велосипеде, на любимом «Чертенке № 13», как она его называла. Но от реальной жизни не спасешься, не убежишь... И Надя вышла замуж за нелюбимого Виктора лишь потому, что он был трезвенником. А еще на этом браке настояла мама, потому что не хотела для дочери своей судьбы. Лишь позже Надя поняла, как сильно ошиблась. В один из вечеров она ждала мужа, но вместо него в прихожую ввалился пьяный незнакомец. И вот с этого странного события все и покатилося кувырком в ее жизни!

Вера Колочкова

Любовь не с первого взгляда

...И ни за что она не будет скандалить! Хоть убейте, не будет. Мало того, даже и не скажет ничего. И пусть попанная женская гордость у нее внутри пыжится себе на здоровье, все равно не скажет. Вот сейчас придет драгоценный муж домой, а она мудро-снисходительно улыбнется ему и выдаст чего-нибудь такое... смешное. Будто и не обидно ей вовсе позднее его возвращение. Вот только бы придумать что-то смешное, мудрое и снисходительное...

Как назло, ничего Надежде не придумывалось. Лезла в голову все чепуха какая-то. Вот трудновато у нее с женской мудростью, не дал бог талантов. Учит ее мать всю жизнь, учит этой самой мудрости, и никакого толку. Вот и сейчас – ну прямо язык чешется взять и спросить у драгоценного мужа в лоб: не рано ли ты, родной, романы на стороне заводишь, и года после свадьбы не протерпев? Уже какой вечер подряд домой не торопишься, духами женскими от тебя за три версты несет... Хорошими духами, кстати. Только от этого нисколько не легче, а даже наоборот. Очень обидно, однако! И вообще, я тут вся устаралась, ужин для тебя готовлю, гордость женскую попираю, смешную снисходительность всякую репетирую изо всех сил...

А только нельзя. Нельзя вот так, в лоб. Мама говорит, так всякая жена сможет. И еще говорит, что это самый простой путь в женское бессемейное одиночество. А хуже этого самого одиночества для женщины, получается, и нету ничего. Тем более что «адекватный непьющий мужчина», как она говорит, нынче в жутчайшем дефиците находится. Устрой такому «адекватному и непьющему» женскую ревнивую истерику – и поминай как звали. Уйдет к той, которая не устроит, то бишь к более мудрой и снисходительной. А ты останешься со своей гордостью жить дальше одна-одинешенька среди сплошных неадекватных и пьющих...

Надежда вздохнула горестно и плюхнулась со всего размаху в большое кресло, тут же принявшее ее в ласково-успокаивающую свою пухлость. Расслабься, мол, хозяйка, чего ты бегаешь по комнате туда-сюда. Однако от ласки этой домашней плюшевой стало еще хуже. Да и какое такое расслабление может быть, когда внутри горит все обидой! Ну чем, чем она Виктору не угодила, интересно? Да она ж для него... Если посчитать, она ж три года целых только тем и занимается, что кроит себя да перекраивает и так и этак, подгоняет под его вкусы то цвет волос, то одежду, то фигуру... И даже в законном браке не дала себе расслабиться ни минуты, так и продолжает следовать этому пути, истоки которого находятся еще там, в гражданском двухлетнем неопределенном сожительстве.

Подскочив пружинисто из мягкого кресла, словно оттолкнув его навязчивую жалость, Надежда встала перед большим зеркалом, взглянула в него пристально и критически. И плечи назад отбросила, и гордо вскинула голову. Все, все завоеванное огромными трудами и лишениями на месте! И кожа на лице свежее персика – еще бы, сколько всяких масок полезно-необходимых в нее вбито-втянуто, – и отращенные до лопаток белокурые волосы за счет парикмахерских хитростей в два раза пышнее своих, темно-русых и тоненьких. И

попа, воспитанная в тренажерных тяжких трудах, торчит правильно, красиво и сексуально, и остальная худоба-стройность телесная вся при ней, ни одного лишнего мягкого кусочка нигде не завязалось. Кто бы знал только, как ей дается эта самая худоба... Ей, склонной к полноте по природе, когда от одного только случайно пойманного на улице запаха горячих сдобных булочек организм впадает в многодневную и мучительную неврастению, а большой кусок жареной свинины в окружении золотистых палочек картофеля фри приходит во сне сладкими грезами и искушает томно и мучительно: съешь меня, съешь... И куда там грезам каким другим, эротическим например, до этого самого куска свинины, исходящего вкусным мясным соком под зажаристой корочкой! И рядом не стояли...

Надежда снова вздохнула, снова кинула свою красивую худобу-стройность в кожаную пухлость кресла, откинула на спинку голову. Чего ж это получается: зря старалась, выходит? Все для него, для любимого, адекватного и непьющего, – и все зря? Все мучения псу под хвост? Все в себе улучшила-исправила, только что до голоса дело не дошло... Слава богу, легкая ее картавость Виктора вполне устраивала, умиляла даже. Он даже в лучшие их времена пытался тут же повторять за ней слова, забавно и смешно грассируя на французский манер. Хорошо, а то бы и голос ей пришлось себе исправлять. А как там его исправляют, бог его знает? Может, операции какие серьезные делают, не приведи господи... Боже, уже половина одиннадцатого!

Она снова выскочила-вытолкнула себя из кресла, снова заходила по крохотному свободному пространству однокомнатной квартиры. Вот видела бы ее сейчас мама! Наверняка бы совет какой-нибудь дельный дала. Только звонить маме не хотелось. Не хотелось в очередной раз огорчать ее отсутствием у себя женской мудрости. Да и сколько уже можно одну только мамину мудрость бесконечно эксплуатировать? Мама и так последние силы напрягла, чтоб перевести наконец свою дочь из гражданского пустого сожительства в уважаемо-законное замужнее состояние, а тут – нате вам. У дочери опять ума не хватило, как около себя своего адекватного и непьющего мужа грамотно удержать. Такую сейчас редкость – чтоб адекватного, чтоб непьющего.

Мамин муж, то есть Надеждин отец, ныне покойный, при жизни был хроническим алкоголиком. Даже не хроническим, а классическим, если можно об этой проблеме так вольно выразиться. Пил он много, регулярно и без устали, упорно не признавая в этом своем занятии никакого греха. А тем более болезни. А мама за него долго и всячески боролась, отдавая всю себя этой героической

борьбе без остатка. Так они и строили свою семью: папа все не признавал, а мама все боролась, боролась... Даже на дочку ей времени практически не оставалось. Надежде как раз шестнадцать исполнилось, когда отец погиб под колесами огромного рефрижератора – не разглядел его неуверенной походки водитель, думал, нормальный человек обойти пытается его мощное, медленно выезжающее из переулка холодильное тулово. С тех пор вся мамина не растраченная в борьбе энергия, видоизменившись немного, стала уходить на то, чтоб сделать дочь свою счастливой в ее, дочернем уже, браке. Чтоб не досталось ей маминой доли – с пьющим мужем жить. Да и сама Надежда такого опыта совсем не хотела. Вот и выходило по всему, что самое главное достоинство любого мужчины только в том и состоит, что с зеленым змием он не дружен. Самое главное, то есть определяющее! А все остальное – так, значения не имеет. Ну, адекватность, конечно, тоже желательна. То есть наличие у этого непьющего мужчины какой-никакой хлебно-кормящей специальности и постоянного рабочего места с опять же какой-никакой зарплатой. И все. И больше для женского счастья ничего и не нужно, как мама искренне полагала...

Кавалеров до замужества у Надежды не сказать чтобы было сильно много, но все же водились. В основном из своих, из велосипедной их тусовки. Или из параллельной жизни, которая протекает по своим неписаным законам и правилам. И чужаки в эту параллельную жизнь не забредают практически, потому что им, чужакам этим, вовсе непонятны такие простые вещи, чем, например, стритовый велик отличается от триального, а триальный – от обыкновенного кросс-кантри... Для них, для чужих, велик – это ж просто железяка о двух колесах, транспортное средство, и ничего более. А как он хозяином любовно «апгрейден» – это только свой разглядеть может. Разглядеть и оценить по достоинству и классную вилку, и облегченную алюминиевую раму, и переключатели, и вообще весь обвес-прикид. И только свой поймет, какие ты испытываешь чувства, сделав свой первый в этой параллельной жизни «банник», то есть прыжок на заднем колесе... Надежде долго все никак не давался этот самый «банник», зараза его разбери! С «хопом» – прыжком с двумя колесами одновременно – как-то сразу дело пошло, а вот с банни-хопом она от всей души намучилась. А потом как-то так все лихо стало получаться, что аж до «мануала» она уже подтянулась и довольно долго могла ехать на одном заднем колесе, не уступая собратьям по их двухколесно-прекрасной жизни. Именно прекрасной, если сравнивать ее с той, с домашней, с вечно пьяным папой, с остервенело-безрезультатно борющейся с его недугом мамой...

Собратьями были в основном мальчишки, конечно же. Девчонки прибивались к их тусовке редко. Да оно и правильно – на то они и девчонки. На велик в мини-

юбке да на каблучищах не очень-то взгромоздишься, тут надо себе во многом истинно девичьем отказать... Не каждая так сможет. Надежда вот, например, смогла. Хотя дело тут было не совсем уж в удовольствии как в таковом, если честно. Дело тут было в полном отсутствии в Надеждином гардеробе этих самых мини-юбок и каблучищ. И в отсутствии в карманах даже минимума карманных денег. Откуда им было взяться-то? Папа все деньги на свое «увлечение» спускал, да еще и норовил признать у кого ни попадя...

По поводу отсутствия девчачьих модных одежонок она не комплексовала совсем. Нет – и не надо. Есть старые расшлепанные кроссовки, есть джинсики синенькие-рваненькие, есть ветровка-косуха от дождя, есть даже черная бандана с белым черепом – много ли надо человеку, чтоб достойно провести свою юность? А вот отсутствие в кармане мало-мальских хотя бы денежных средств угнетало ее по-настоящему. Очень уж хотелось «апгрейдить» свое двухколесное детище по-настоящему, купить новую «обвеску» к сезону. Тут уж надо отдать должное братьям – помогали они ей исправно. Кто чем, с миру по нитке... Так что «апгрейд» в конце концов получался совершенно полнейший: от смены деталей, будто из ниоткуда, возникал вдруг совершенно новый велик, и даже имя ему приходилось давать новенькое. Так она объездила и первую свою Ласточку, а потом был еще Мальчик, а потом еще Чертенок № 13... Они, ее велики, были почти родными, были усталыми, понимающими и молчаливыми. Они умели сливаться с ней родством в единый организм, живой, гибкий и красивый. Они были родителями, братьями и сестрами, дядями и тетями, эти железяки о двух колесах... Подумаешь, железяки! Зато они не кричат пьяным надрывным голосом на кухне о «праве на свою собственную жизнь», не засыпают за столиком придорожной пивнушки, не трясутся в утробном мамином вое, горестном, на одной высокой ноте, таком безысходном, что слезы сами льются в подушку от жалости. Или от страха. А может, это просто жалостливый такой страх. Или испуганная жалость. Льются и льются из глаз на наволочку с рисунком из желтых листьев, и они промокают, темнеют от сырости, как от осеннего дождя...

Вообще, была б ее, Надеждина, воля, она б совсем, ей казалось, домой не ходила. Ездил бы себе и ездил по коварной весенней наледи, или по остывающему к ночи летнему асфальту, или по лужам с мокнущими в них тополиными облетевшими листьями, или по снежной хрусткой крупе... Только воли у нее такой не было. Надо было вечером мчаться домой – маму в ее горестной борьбе поддерживать. Или, хуже того, папу по пивнушкам искать, а потом тащить его домой, шатаясь от тяжести, как пьянчужка-собутельница какая. Но это уже отдельная песнь. Грустная очень. Не песнь даже – баллада, от

которой внутри все скручивается холодным жгутом и норовит ударить по сердцу, и никак этот жгут не желает хоть чуточку ослабнуть и дать вздохнуть посвободнее. Потому как оно хорошо, конечно, когда присутствует в твоей жизни железная двухколесная любовь и преданность, но родительской простецкой любви тоже почему-то сильно хочется...

А потом папа умер, и, грех сказать, отпустило. И душу, жгутом скрученную, отпустило, и тело тоже. В том смысле, что начала Надежда сразу поправляться, как на дрожжах, наливаясь лишними никчемными килограммами, и опомниться не успела, как превратилась в рослую статную да фигуристую девицу с плотными ногами и тяжелыми кусками мяса на талии и бедрах. И аппетит вдруг у нее такой небывалый прорезался – мела все подряд, будто с голодного острова спаслась. Даже велик пришлось покупать срочно новый – мама на первый взнос по кредиту раскошелилась. Она и сама помолодела-порозовела будто, хотя по мужу погибшему отгоревала-отплакала честно, как порядочным вдовам и полагается. А отплавав, развернулась всем своим существом к дочери и рассматривала иногда ее так долго и удивленно, что Надежде как-то даже неловко становилось за такой к себе живой любовный интерес... И еще – она очень спугнуть его боялась, интерес этот. И с радостью принимала материнскую о себе заботу, словно свалившуюся вдруг на голову манну небесную. Не привыкла она к таким нежностям, чего уж. И к заботе не привыкла. И к материнской бдительности насчет ее девичьей чести тоже не привыкла. Однажды взяла и заявила домой глубоко за полночь, как часто бывало и раньше, в той еще жизни. Чего такого-то? Ну, задержалась, ездили на великах на дальние озера всей тусовкой... И потому очень удивилась, когда в ночной прихожей нарисовалась мама с тапкой в руке. И ударила ее по лицу этой тапкой так, будто таракана прихлопнула. Неожиданно и резко. А потом молча развернулась и ушла спать. Оскорбилась, видно, за материнские свои переживания по поводу ее позднего возвращения. Да если б Надежда знала, что она переживать будет, да она бы никогда...

Утром она очень перед мамой извинялась. А та еще целую неделю ее наказывала – не разговаривала совсем. Полный бойкот объявила. Да уж, трудное и ответственное это занятие – хорошей матерью быть. А еще труднее, как оказалось, быть хорошей дочерью. Не привыкла к этому Надежда. Наоборот привыкла – это от нее мама всегда ждала поддержки и помощи. И не ждала даже, а требовала. Как-то это само собой в их семье разумелось.

Параллельно с проявленным к жизни дочери интересом мама вдруг обнаружила, что и учится в школе ее дочь, оказывается, хорошо, и учителя ее способности хвалят, и было это приятнейшим для нее сюрпризом, и надо было теперь решать, куда бы эти дочерние способности неплохо пристроить. Потому на семейном совете они решили, что Надежда поступать будет в юридический. Отчего-то маме очень хотелось, чтоб именно в юридический. Надежда и не сопротивлялась – почему бы и нет. Раз маме так хочется... Поступила она легко, на бюджетное бесплатное место, и училась легко, будто играючи. И шел год за годом спокойной и счастливой чередой, и мама уже начала присматриваться более пристально к приходящим в дом приятелям-студентам. Хотя таковых было немного: Надежда по-прежнему поддерживала дружбу с собратьями по параллельной велосипедной жизни, среди которых был народ всякий. На иного посмотришь – приличный вроде парень, а на поверку выходит – бандит.

Но на самом деле социальное положение потенциальных дочкиных женихов маму вовсе не волновало. Главная для нее задача стояла в другом – чтоб затаившиеся пагубные пристрастия своего потенциального зятя разглядеть вовремя. И справлялась с этой задачей мама весьма оригинально, то есть держала про запас в потаенном местечке кухонного шкафчика бутылку водки. Ту самую, ненавистную, испортившую ей молодость и всю остальную замужнюю женскую жизнь. И служила ей эта ненавистная бутылка некой лакмусовой человеческой бумажкой, стопроцентным показателем всех достоинств приходящих в дом Надеждиных друзей...

Происходило это примерно так. Заподозрив, что очередной приятель посматривает на ее дочь с интересом не таким, какой для обычной дружбы полагается, или, не дай бог, проявляет к ней особые какие-то знаки внимания, мама тут же брала на себя всю ответственность за происходящее и начинала, как говорится, танцевать из-за печки свою цыганочку с выходом, то есть с милой материнской улыбкой приглашала парня совместно с ними отобедать, совсем по-семейному, втроем, украинским борщом да котлетами. Вот тут и начиналось самое главное ее коварство: в процессе милого дружеского разговора как бы невзначай появлялась на столе припотевшая бутылка из холодильника, под горячий, так сказать, борщ да для большего мужского аппетита... Ничего не подозревающий испытуемый, конечно же, проглатывал с удовольствием первую рюмку – как такой хлебосольной хозяйке откажешь? Да еще и маме... А потом и вторую. И третью. А после четвертой по маминому лицу пробегала уже тень очередного разочарования – и этот, мол, тест на самое главное мужское достоинство не прошел. Снова покраснела лакмусовая человеческая бумажка, безотказная и справедливая. Не нужен им с Надеждой такой жених. Надо

отказать. И больше не пущать. Хотя у жениха того в этот момент ни одной матримониальной мыслишки в голове, может, вовсе и не проскакивало. Ну, подумаешь, пообедать пригласили, что в том такого.

Наверное, так и осталась бы при таком мамином раскладе Надежда навсегда безмужней, если бы ей Витя наконец не встретился. Познакомилась она с ним на свадьбе у институтской однокашницы. Веселая была свадьба, студенческая, разбитная... Они с Витей оказались на ней белыми воронами, то есть абсолютно трезвыми в танцующей и расслабляющейся толпе молодых гостей. И по этому только признаку потянулись друг к другу, как тянутся друг к другу люди по своим маленьким интересам. Правда, разглядывал ее Витя поначалу очень неодобрительно, со снисходительной будто мужской усмешечкой. Да и были на то у него свои причины, наверное. Потому что на свадьбу эту Надежда заявила хоть и в новых, но все-таки в джинсах. Ну белую рубашечку еще для случая принадела. С привычкой не обращать внимания на свой внешний вид у нее так и не получилось совладать, да она и не старалась особенно. Зачем? Так было удобно по утрам ездить в институт на велике, с рюкзаком за плечами, с черной банданой на голове. Хотя совсем уж таким удобством жизни она не злоупотребляла, конечно же. Оставив велик на сохранение за будочкой у доброй вахтерши, бандану с головы снимала, ветровку пыльную или мокрую сворачивала и совала в рюкзачок и шла в аудиторию в джинсах и пиджачке – обычная студентка, каких много. Ну, лицо совсем без косметики. Ну, стрижка обыкновенная, не стильная. Ну, за фигурой совсем не следит. Ну и что, подумаешь... Зато велик по имени Чертенок № 13 верно и преданно дожидется конца занятий, и они поедут рулить по улицам города, слившись в единый счастливый организм.

Она и Вите на той свадьбе попыталась было поначалу рассказать про свою вторую параллельную жизнь, но он лишь взглянул на нее удивленно и снисходительно. А потом, оглядев критически с ног до головы, вынес свой мужской безапелляционный вердикт о том, что она, конечно, ничего девчонкой была бы, симпатичной даже, если б привела себя в относительный женский порядок. Надежду аж передернуло. Испугалась она. Сроду ей никогда и никто таких обидных слов вот так вот, в лоб, не говорил. А Витя сказал. И, не дав опомниться, тут же начал еще и перечислять все ее недостатки. Долго перечислял, так что сам увлекся процессом. Не заметил даже, что его свадебная собеседница сидит уже ни жива ни мертва. Наверное, это и в самом деле доставляет некое удовольствие – побыть хоть раз в жизни в роли Пигмалиона. Особенно когда Галатhea твоя окончательно сбита с толку, когда самооценка ее полетела в пропасть. Туда, в черноту, к чертовой матери.

В общем, стали они после этой свадьбы встречаться. Под чутким Витиным руководством Надежда старательно морила себя голодом, отчего ее накачанные от постоянного кручения педалей мышцы молили о помощи. Хотя чего толку молить, мотивация – она штука жестокая и своей жертвы все равно потребует. Охота пуще неволи, а мотивация, выходит, пуще голода. А потом она записалась еще и на занятия аэробикой и старательно вертела там похудевшим задом, чтоб выглядеть сексуально и женственно, как учил ее Витя-Пигмалион. И в салон косметический пошла, чтобы кожу на обветренном лице выровнять, и в парикмахерскую – волосы окрашивать под блондинку. Чертенок № 13 сиротливо взирал на нее из угла в прихожей. Иногда ей казалось, что он даже плачет от обиды и предательства...

Зато мама Надеждой очень довольна была. И без ропота раскошеливалась на косметическо-парикмахерские всякие изыски. Дочка-то на глазах менялась! Такой красавице гораздо легче будет непьющего да адекватного себе в мужья сыскать. И Надежда тоже жила этой ее радостью, тем более что Виктор маме сразу понравился. Потому что тем самым и оказался, единственным, который ее тест с ходу прошел. То есть отказался от первой же предложенной рюмки из запотевшей бутылки. И даже «для аппетита» отказался. Нет, говорит, извините, не пью, спортом занимаюсь... У мамы аж дух зашелся от такой удачи. Еще бы – парень не пьет, не курит, работу постоянную имеет. И не какую-то там модную и непонятную вроде менеджера или дилера, а настоящую, основательную. После экономического института грамотно подался он сразу в главные бухгалтеры и сидел себе припеваючи в женском почти коллективе небольшой, торгующей дешевой мебелью фирмы. Зарплата в фирме была не ахти, конечно, зато место спокойное. Очень, очень хороший парень. Правда, бросаться в омут семейного устройства этот хороший парень благоразумно спешить не стал, снимал с Надей квартиру за «бешеные просто деньги», как говаривала мама, тихо возмущаясь такой расточительностью. Очень хотелось маме Надю за Виктора замуж выдать, сердце свое материнское успокоить. Да и то – к тому времени засиделась в девках ее дочь порядочно. Пока в институте еще училась, она и не возражала против свободного ее состояния, диплом-то тоже в жизни пригодится, еще как. Да еще такой хороший, юридического института. А когда этот диплом в руках Надеждиных оказался, вот тут уж тревога в ней поселилась намертво. Чего же это – двадцать три года уже девушке, а семьи никакой нет! Вовсю пора уже свое «гнездо вить» к такому возрасту. Поэтому явлению в Надиной жизни Виктора мама очень обрадовалась и поначалу отнеслась к их гражданскому сожительству довольно мирно. И потихоньку учила Надю вопреки ненадежному гражданскому браку все-таки гнездо потенциальное помаленьку обустроить.

И всячески намекала Виктору при редких встречах, чтоб он обратил внимание на Надины по этому процессу старания. Смотри, мол, какая у меня дочь молодец: и съемно-чужой дом в чистоте держит, и еду вкусную тебе готовит, и сама как конфетка выглядит. Так выглядит, как тебе нравится, худой да белобрысой.

Виктор долго ее намеков не понимал. А может, только вид делал, что не понимает. И тогда Надина мама решилась на отчаянный шаг – пообещала для них квартиру свою трехкомнатную разменять на две однокомнатные, да еще и оформить причитающуюся им однокомнатную на Надю с Виктором в равных долях. Так и заявила им: вы ж муж да жена будете, чтоб все поровну у вас было... А чего, мол, бешеные деньги за съемные углы платить? Живите себе пока в однокомнатной, в своей, в собственной, гнездо свое вейте... Вот тогда они свадьбу и сыграли. Почти год назад. И в эту вот квартиру свою собственную, в равных долях мамой оформленную, и переехали. И впрямь начали гнездо вить. Поначалу и правда очень старались. Приносили старательно в клювике в общий семейный бюджет все заработанное. Надя даже забеременела счастливо и, как ей казалось, совершенно ко времени. Пора ведь и птенцов, по всем природным и маминым приметам, заводить! Да только не тут-то было. Не захотел Виктор никаких птенцов. Уговорил ее на аборт под предлогом того, что не стоит пока заводить детей в однокомнатной. Вот подкопят деньжат, поменяют это гнездо на большее, вот тогда уж... Ей бы его не послушать, по-своему сделать, а она не осмелилась. Да и мама посоветовала: не гневи мужа. Потому что грех непьющих мужей гневить, они и так на дороге не валяются. Да и прав он, в общем, говоря, что для птенцов большее по размеру гнездо требуется. Разумно рассуждает. Очень адекватно, очень трезво, что и говорить.

Вообще мама Витю очень уважала. И в жизнь их семейную не вмешивалась, только любила понаблюдать за ней будто со стороны. В редкие свои наезды в гости садилась где-нибудь в уголке и наблюдала тихо и умиротворенно, словно многосерийную мелодраму по телевизору смотрела. Семейную сагу. Из серии в серию – все одно и то же, все тихо, все достойно, все до глянцевого блеска положительно. Вот пришел Витя с работы – совершенно трезвый. Одному этому факту до слез умилиться можно. Вот он выходит из ванной с мокрыми после душа волосами, вот садится на кухне ужинать... А Надя хлопчет-суется вокруг него в коротком шелковом халатике, перехваченном поясочком на тонкой талии. А что? В таких вот именно халатиках артистки в кино и суется вокруг своих непьющих положительных мужей. Иногда Надежде начинало казаться, что мама вот-вот возьмет в руки пульт и запросто погонит пленку назад, чтоб еще раз пересмотреть понравившийся ей кусочек, и Витя снова войдет в дверь, совершенно трезвый, и снова выйдет из душа с мокрой головой, и она будет

хлопотать туда-сюда над ним в коротком халатике. Насмотревшись, мама уезжала домой очень довольная, оставляя в душе Надежды чувство неизгладимой за все это киношное хозяйство ответственности. Очень сильное чувство, не позволяющее взять и порушить тихое течение их брачного бездетного пока благополучия. Хотя, если уж честной быть, она очень тяжело пережила тогда свой поход в больницу. Нет, по медицинским всяким показателям все прошло довольно удачно, Виктор на оплату этой процедуры не поспешил. Просто внутри у нее что-то перевернулось, будто выключилась кнопка какая-то. Или, наоборот, включилась. Вышла Надежда из больницы и поняла, что глупость сделала. И не глупость даже, а убийство. Убийство своего ребенка, которому поначалу так обрадовалась. Правда, Виктор тут же ласково обсмеял все ее переживания, но она чувствовала, что вышла из больницы другой. Что-то ушло из нее прежнее, легкомысленное, окончательно и навсегда. А может, появилось что-то новое, заставившее горько жалеть о содеянном. Может, это женская мудрость и есть? Которой ей так не хватает? Хотя нет, не похоже это на мудрость. Другое это что-то. Потому как если б была это мудрость, она бы сейчас не металась по квартире в растерянности, а быстренько бы сообразила, как ей правильно встретить загулявшего мужа. Какой правильный тон взять при этой встрече. Чтоб было достойно, чтоб умненько, чтоб без лишнего самоуничтожения. Чтоб не дать самой себе возможности спросить прямо в лоб: с кем, мол, время вечернее проводил, сволочь адекватная?

Взгляд ее уперся в этот момент в кухонную стену, куда ее занесло в круговерти бесполезного шатания туда-сюда по пустой квартире. Вернее, даже не в стену, а в расписной под хохлому подарочный наборчик, висящий на той стене мирным символом кухонного уюта. Такие, наверное, на каждой кухне висят – разделочная доска, толкушка, скалка... Точно, скалка! Смешно же, как в анекдоте: жена встречает мужа со скалкой в руке! Мило и забавно, и можно еще и пошутить на эту тему. И озорно улыбнуться, блеснуть глазами, скалкой смешно в воздухе потрясти. Вроде того – уж я тебя сейчас! Они посмеются, и он все поймет, и все лобовые вопросы сразу отпадут сами собой. О! Уже вон и ключ в дверях тихонько шуршит! Как здорово она это со скалкой-то придумала! И главное, вовремя как...

Схватив со стены расписное украшение, Надежда пролетела ветром в прихожую, успев по пути заглянуть в зеркало и проверить на лице наличие озорной улыбки. Улыбка была, конечно, но совсем не озорная. Жалкая какая-то улыбка была, с трудом будто оскаленная. Ну да ладно, нет времени репетировать. Раньше надо было. Вставляемый Виктором с той стороны в дверь ключ все никак не мог

попасть в заветную скважину-щелочку, все шуршал и шуршал чего-то в ее районе пугливо и нерешительно. А она уже стоит со своей скалкой, уже сотрясает ею в воздухе, как идиотка... Ну же!

Не вытерпев, Надежда схватила с тумбочки свою связку, быстро сунула нужный ключ в замок, быстро провернула, потянула на себя дверь...

За дверью стоял вовсе не Виктор. Что-то большое, шатающееся и откровенно мужское тут же уперлось руками в косяки, но отчего-то не удержалось и начало неумолимо заваливаться прямо на Надежду. Она и сама не поняла: то ли она закричала от испуга, то ли захрипела просто. Почувствовала только, как поднятая вверх рука со скалкой со всего размаху опустилась прямиком на голову этого чудовища, после чего раздался противный глухой звук. Довольно сильно опустилась скалка на голову незнакомому гостю, так, что в руке даже зазвенело что-то и прокатилось к предплечью навроде судороги. Потом едва успела отскочить в сторону – незнакомец рухнул в ее прихожую, только ноги в грязных ботинках остались лежать за порогом. Так и застала ее с дурацкой скалкой в руке, с застывшим от ужаса лицом выскочившая на шум соседка по площадке, прелюбопытнейшая особа Роза Геннадьевна. Не потому прелюбопытнейшая, что как особа интересна чем-то была, а потому, что любознательна была до крайности и такой интересный случай в Надеждиной бытовой жизни просто никак пропустить не могла.

– Ой, кто это, Наденька? Это что, Виктор твой так напился, да? Так он же совсем не пьет вроде?.. Ни разу не видела. А ты его скалкой по голове огрела, да? И правильно, Наденька! И правильно! Это чтоб и впредь неповадно было! Вот я своего мужа тоже, бывало...

Роза Геннадьевна тут же пустилась в пространный и подробный рассказ о трудностях своей семейной когда-то жизни, с годами безвозвратно утраченной, но Надя ее не слышала. Так и стояла, не подавая признаков жизни, потом подняла на соседку тяжелые глаза... Ничего в этих глазах для себя хорошего не увидев, Роза Геннадьевна предпочла ретироваться в свою квартиру, обиженно хлопнув за собой дверью. Она вообще эту молодую соседку недолюбливала. Гордячка. Себе на уме. Никогда не остановится во дворе, не поговорит, ни о ком не спросит... Уже год живет в их доме, а ни с кем так и не подружилась по соседски. Ни за солью, ни за спичками не зашла. Вот теперь пусть сама разбирается. А она, Роза Геннадьевна, даже и помогать ей не будет пьяного мужа в квартиру затаскивать. И вообще, там шестьдесят седьмая латино-

американская серия по телевизору заканчивается.

Вздрогнув от хлопка закрывшейся соседской двери, Надя моргнула и с удивлением уставилась на зажатую в руке скалку. Потом испуганно отбросила ее в сторону, и скалка покатила в сторону комнаты. Шагнув к телефону, Надя автоматически набрала Веткин номер и, услышав ее сонный голосок, проговорила в трубку трагически:

- Ветка, я человека сейчас убила.

- Это какого человека? Виктора своего, что ли? - спросила Ветка так, будто речь шла о чем-то очень обыденном. О чем-то таком, из-за чего не стоило и будить ее, уставшую, в такое позднее время. Отчаянно пискнув - она всегда зевала очень интересно, как котенок, издавая короткий и пронзительный звук на выдохе, - еще и добавила мстительно: - Так твоему Вите и надо. Не будет по ночам шляться да женскими духами вонять. Давно надо было ему за это треснуть!

- Вет, ты не поняла... Я не Виктора, я человека убила.

- Какого человека? - уже более заинтересованно спросила Ветка. - Откуда у тебя там еще человек, кроме Виктора? Или я не знаю чего-то интересного?

- Ой, ну откуда я знаю, что это за человек! - начала сердиться Надя, одновременно приходя в себя и косясь на распластанное по прихожей тело. - Мужик какой-то посторонний. Ветк, приходи, а? Я не знаю, что мне теперь делать.

- Ладно. Сейчас приду. Ничего без меня не предпринимай, - решительно произнесла в трубку Ветка, и тут же полились в ухо гудки отбоя. Надя положила на рычаг трубку, прижалась к стене и стала ждать, где-то краешком сознания понимая, что толку от Ветки в данной ситуации не будет, конечно же, никакого, но все же.

Вскоре она услышала, как на первом этаже аккуратным тихим щелчком закрылась дверь Веткиной квартиры и вверх по лестнице зашуршали быстрым ветром ее тихие шаги. Она вообще была очень быстрой на ногу, ее соседка. И еще она была маленькой и худенькой, как несформировавшаяся еще девочка-подросток. Надя удивлялась только, как ей удалось при такой худосочной

комплексии родить двоих довольно крупных детишек, Артемку, которому сейчас было уже шесть лет, и Машеньку, которой только-только исполнился год. И еще, она очень жалела ее, потому что Ветка возвращала своих детишек одна, без всяческой какой бы то ни было помощи со стороны. Их дружба в основном и строилась на этой Надиной жалости – все она норовила их подкормить да приобуть-приодеть. И детей, и Ветку. Все время ей казалось, что живет на первом этаже их дома странное семейство, состоящее из трех заброшенных детей. Хотя Артемка и Машенька заброшенными ну никак не выглядели – упитанными были и розовощекими, а вот Ветка... Ветка, их мать, и впрямь смахивала на несчастного детдомовского недокормыша военных лет с грустными голодно-печальными глазами на пол-лица и худенькими, будто сведенными судорогой, плечиками. Надя только удивлялась: вот же природа! И изводить себя никакими диетами не надо. А когда выяснилось при ближайшем знакомстве, что Ветка была брошена подлецом мужем аккурат в день Надиной свадьбы, как раз накануне рождения Машеньки, прониклась к несчастной соседке еще больше. И даже ответственность какую-то за нее ощутила, будто виновата была в том, что день ее свадьбы совпал с роковым и самым тяжким для Ветки днем. И в самом деле, представить же такое невозможно: женщине в роддом вот-вот идти, а ее муж бросает. Подлец, настоящий подлец. Да еще и от алиментов скрывается.

– Ого! Надь, а это кто? – осторожно перешагивая по очереди через ноги мужчины, протиснулась в прихожую Ветка. – Ты его знаешь?

– Да откуда? – в отчаянии махнула на нее рукой Надя. – Откуда я его знаю? Я услышала, как ключ в замочной скважине шуршит, думала, это Витя пришел. Открыла дверь нараспашку, а там этот стоит! И уже вроде как в квартиру войти хочет! Ну я его и огрела по башке со всей дури... Господи, ужас какой! Сроду ни на кого руки не поднимала!

– А чем, чем огрела-то?

– Скалкой...

– Почему скалкой? Ты что, стряпала, что ли? В такое время?

– Да ничего я не стряпала! – От волнения коварная буква «р» в Надеждином голосе уже не слышалась милой картавостью, как обычно, а совсем будто

проваливалась куда-то, и выходило со стороны, наверное, совсем смешно, совсем по-детски. – Говою же, думала, что Витя идет! Вот и пошла встѣчать.

– Со скалкой?

– Ну да. Понимаешь, я так пошутить хотела. Ну, чтоб не спрашивать, где был да с кем... И в то же время показать хотела так ненавязчиво, что мне обидно.

– А почему ненавязчиво-то? Что в этом такого, если ты нормально спросишь, где был? Мудришь чего-то, сама не знаешь.

– Ой, отвяжись, а? Посоветуй лучше, что мне с этим делать? – уныло качнула она головой в сторону лежащего на полу мужчины.

Словно услышав ее вопрос, он вдруг дернулся слегка и застонал-замычал тихо, пытаясь чуть приподнять с линолеума голову. Надя с Веткой тут же порскнули в кухонный проем, как две испуганные птицы, и выглянули оттуда спустя уже минуту. Мужчина снова лежал в прежней позе, не подавая больше признаков жизни. Ветка первая подкралась к нему на цыпочках, склонилась над головой...

– Фу-у-у... – помахала она перед носом своей худосочной ладошкой и сморщилась отчаянно. – Надь, да он же пьяный в стельку! Он, наверное, сам по себе в прихожую к тебе свалился, а вовсе не потому, что ты его скалкой огрела! А может, ты его и не била вовсе? Может, тебе показалось с перепугу?

– Ой, да какая теперь разница, била, не била. Главное – живой! А то я уж, грешным делом, статью Уголовного кодекса начала в памяти воспроизводить да вспоминать лихорадочно, в чем тут субъективная сторона заключается, в чем объективная... Я ж юрист все-таки по образованию!

– Ой, да какой ты юрист! Не смей! Сидишь, бумажки на своей фирме перебираешь. Я вот тоже экономист по образованию, а экономить только в последний год научилась, когда одна с детьми осталась. Вообще на мне теперь можно специальный курс изучать – как правильно сэкономить на расходах, когда практически нет доходов...

– Да ладно, чего ты... Прорвемся, Ветка! Не будем о грустном. Скажи лучше, что с этим будем делать? Не стоять же у двери, не караулить всю ночь, когда он изволит выспаться! И Вити, как назло, нет...

– Ну, тогда давай рассуждать здраво, – уткнув кулачки в худые бока, проговорила решительно Надина соседка. – Давай исходить из имеющихся наших дамских возможностей.

– Это как? – непонимающе уставилась на нее Надя.

– А так! Поскольку основная часть туловища уже находится у тебя в прихожей, значит, легче затащить его сюда, в прихожую. Правильно?

– Ну, правильно... Только не хотелось бы, конечно...

– Да это понятно, что не хотелось бы. А только другого выхода нет. На лестничную клетку нам все равно его не вытащить. А если затащим в прихожую, то ты дверь в квартиру сможешь закрыть. И лечь спать спокойно.

– Ага, спокойно... Скажешь тоже...

– Ну, тогда стой над ним и карауль! Я-то ведь домой должна буду уйти, у меня там дети одни. Оно тебе хочется?

– Нет, не хочется.

– Ну, я не знаю тогда, – развела руками Ветка, словно удивляясь Надиной строптивости.

– Ладно, затаскиваем! – вздохнув, решила Надя принять-таки Веткино предложение. – Сейчас перевернем его на спину, а ноги просто подогнем в коленках, и дверь тогда закрыть можно будет.

Кряхтя и вздыхая, они перекатали безвольное тело мужчины на спину и вздрогнули одновременно, когда голова его, завалившись вслед за плечами, глухо стукнулась затылком об пол, явив им молодое совсем, почти юношеское, красивое лицо, слегка искаженное болезненной судорогой и залитое синюшной

бледностью. Бывают такие мужские лица. Как бы ни прорастала на них щетина, как бы ни искажала их злость, бледность или усталость, природная брутальность и чертовское обаяние так и прут из них всем своим естеством. Это всякой женщине для проявления своей красоты ухоженность некоторая надобна, а таким вот мужским лицам и нет в ней никакой потребности. А бывает и вообще – чем лицо мужское меньше ухожено, тем и красивше.

– Надьк, смотри, а он ничего себе, – тихо проговорила Ветка, разглядывая незадачливого ночного постояльца. – Уж по крайней мере посимпатичнее твоего Витеньки будет.

– Это ты к чему сейчас сказала? – сердито на нее уставясь, проговорила Надя. – Тебя послушаешь, так мой Витя хуже всякого первого встречного пропойцы.

Ветка и в самом деле Витю недолюбливала. Говорила, он ей мужа ее, подлеца, напоминает и поведением, и внешностью. И следуя этим аналогиям, предрекала Наде от ее замужества всяческие неприятности. Нет, не была она вовсе поженски завистлива, просто за подругу так переживала. Чуялось ей везде предательство, и все тут.

– Да нет, он не хуже. Просто... Просто иногда мне кажется, что лучше бы уж твой Витя пьянствовал слегка...

– Ну уж нет, дорогая! Я этого удовольствия в детстве поимела столько, что на всю оставшуюся жизнь хватит! Насмотрелась на пьяного папеньку.

– Так в том собака твоя и зарыта, Надька... – тихо пробурчала Ветка, будто и не возражая даже, а беседуя так просто, сама с собой. – Для тебя теперь каждый непьющий мужик – идеал божественный, святой архангел... А что у этого идеала за сущность, тебе вообще фиолетово. Вот где он теперь, идеал твой? Ночь на дворе! Ты знаешь, где он и с кем сейчас?

– Нет, Ветка, не знаю... – грустно подтвердила Надя. – Да и знать как-то не хочу! Вернее, будто бы не хочу.

– Вернее, тебе надо сделать вид, что ты знать не хочешь. Прикрыться надо трусливым юмором со скалкой в руках, да? Такой вот декоративной женской мудростью? Вроде того: смотри, я простая какая, любящая да смешливая,

ничегошеньки не понимающая добрая женушка.

– Ладно, Ветка, хватит! И без твоих психологизмов тошно! – оборвала ее на полуслове Надя. – Иди уже домой, не дай бог Машенька проснулась.

– Ладно, пойду. Не сердись, Надь. Ты же знаешь, я любя.

– Иди-иди. Все, пока. Спасибо тебе за помощь.

Вытолкав Ветку, Надя ушла в комнату, плотно прикрыла за собой дверь в прихожую. Подумав, забаррикадировала ее еще и креслом. Увидев закатившуюся в комнату из прихожей скалку, подняла ее с пола, почему-то принялась рассматривать внимательно, будто с трудом соображая, как же это ее угораздило так анекдотично ею воспользоваться. Тоже, шутница нашлась. Грозная жена со скалкой. Ошарашила бедного пьяного парня по голове, только шум стоял... А не будет пьяным шататься где ни попадя! Сам виноват. Даже в квартиру не позвонил, сразу начал ключ свой совать в замочную скважину! Знаем мы эту «Иронию судьбы», каждый год по телевизору смотрим.

Усмехнувшись, она кинула взгляд на большие настенные часы и чертыхнулась про себя сердито – половина двенадцатого уже! Он что, совсем решил сегодня не приходить? Хоть бы позвонил, соврал чего-нибудь. А что, она бы и поверила. Вернее, сделала бы вид, что поверила. И пусть Ветка ее ругает за слабохарактерность. Да и вообще, не в слабом характере тут вовсе дело, ей этого самого характера никогда занимать не приходилось. Просто она так гнездо свое вьет. Каждая же птица его вьет по-своему! Кто-то по-другому, а она вот так! С женской мудростью. Имеет право, в конце концов.

Бросившись с размаху на диван, Надя совсем было собралась всплакнуть, да передумала. Спать от пережитых волнений захотелось просто смертельно. То есть так, что не достало и малых сил, чтоб добрести до ванной и умыться на ночь. Да еще и перешагивать пришлось бы через пришибленное скалкой и распластавшееся по всей прихожей тело бедолаги-пьяницы... Нет уж. И так сойдет. И в неумытом виде. Вот если бы встать, приготовить себе из дивана удобное ночное ложе... На этой хорошей мысли она и уснула. Едва успев натянуть на себя плед, тут же улетела в спасительный сон, подсунув под щеку кулак с зажатой в нем скалкой...

* * *

Ворвавшиеся в крепкий утренний сон звуки музыки из установленного на режим будильника музыкального центра были такими родными и привычными, что Надя рванулась было потянуться им навстречу всем своим отдохнувшим за ночь и оттого очень радостным организмом. А в следующую уже секунду радость из организма ушла. Место ее тут же заняли смутная тревога и хлынувшие волной неприятные воспоминания. Ну да, конечно же... Вчера же Витя не пришел! А еще... А еще в прихожей лежит пьяное тело неизвестного мужчины. И какой он, добрый или злой, она не знает. А вдруг он вообще бандит? Вчера он был пьяным и потенциально неопасным, а за ночь мог и проспаться хорошенько. А вдруг сейчас обнаружит рану от удара скалкой на лбу и захочется ему искренне возмутиться таким невежливым обращением?

Встав на цыпочки, Надежда рванула к исходящему бодрой утренней музыкой центру, нажала на кнопку отключения, прислушалась. Тихо. Подкравшись к двери и сжимая в кулаке ставшую до боли родной расписную скалку, еще раз прислушалась. Ухо уловило наконец то ли глухой болезненный стон, то ли мычание ночного гостя. А ведь здорово она его огрела вчера, наверное. От всей испуганной души рубанула. Хорошо еще, что он то ли мычит, то ли стонет, а не звериный рык извергает в предвкушении мести за такое злостное членовредительство. А с другой стороны, она-то тут при чем? Она себя таким образом защищала, только и всего. Необходимая оборона у нее такая была. И без всякого превышения ее пределов. Она об этом знает, она в институте это проходила.

Откатив кресло и приоткрыв дверь в прихожую, Надежда осторожно выглянула в маленькую щелочку. Так и есть. Сидит, стонет себе спокойно. Или мычит. Зажал ударенную скалкой голову меж ладонями, и мычит, и покачивается плавно из стороны в сторону, как большой маятник. И искренне возмущаться вовсе не собирается. Осмелев, Надя распахнула дверь пошире и встала перед ночным гостем грозным изваянием командора, уперев руки в бока. Со стороны посмотреть – хоть картину пиши. И скалка на своем месте, в упершемся в бедро кулаке, очень удачно, наверное, смотрится. Грубовато, конечно, но это ж всегда истиной было, что лучшая защита – нападение! Вот и незнакомец сразу перестал стонать, побежал взглядом от ее ступней вверх, добрался наконец до ее сердитого лица и уставился в него растерянно.

– А... А вы кто? – промычал-простонал он хрипловато и мучительно и тут же схватился снова за голову. Болит, наверное.

– Это я – кто? – грозно произнесла Надежда. – И вы еще имеете наглость спрашивать, кто я здесь такая? Вы лучше вспомните, как вы сами здесь оказались!

– А... Как я здесь оказался? – с трудом поворачивая голову и озираясь по сторонам, снова промычал-простонал незнакомец и взглянул на Надежду снизу вверх совсем уж потерянно. Ей даже жалко его стало. Тем более в самой середине лба у него и впрямь была рана. Не кровавая, конечно, но вспученная нехорошей такой здоровенной шишкой, похожей на вырастающий из лобной кости синюшно-багровый рог. Фантастическое зрелище. Надежда наклонилась, рассмотрела этот рог вблизи и поморщилась виновато: действительно от души припечатала.

– Давайте хоть пластырь наложим, что ли, – пробормотала она растерянно, снова распрямляясь во весь рост. – В таком виде вам и на улицу выходить нельзя.

– Куда пластырь? Зачем? – поднял к ней голову незнакомец. – Не надо мне пластырь. Вы мне лучше скажите, где я нахожусь.

– У меня в квартире, где!

– Да-а-а? А вы кто-о-о-о? – снова простонал мужчина. – Я вас не знаю совсем.

– Да уж, познакомиться мы никак не успели, знаете ли! Вы ж начали вваливаться ко мне в квартиру, как только я двери открыла! Ну вот я и... Сильно болит, да? Давайте я все-таки пластырь вам на лоб наклею. Вы встать-то сможете?

– Погодите... Это что же получается?.. Я что, ночевал здесь, да? – совсем по-детски захлопал длинными ресницами незнакомец и уставился на Надежду с таким ужасом, будто и не молодым мужчиной был вовсе, а невинной гимназисткой, обнаружившей себя поутру в постели со старым развратником.

– Да. Именно здесь вы изволили всю ночь поживать, молодой человек. Именно в этой прихожей, именно на этом линолеуме.

– Ничего себе. Как же это? – стыдливо отвел он глаза в сторону.

– А пить меньше надо! Такой молодой, а уже алкоголик.

– Я не алкоголик. Я сам не знаю, как это получилось. Я и правда не алкоголик! Вы не думайте.

Надежда и сама видела, что парень вовсе не тянул на погибающего вконец пьянчужку. Уж она-то знала, как они выглядят, пьянчужки эти. За версту такого могла распознать, потому что в натуральном виде нагляделась на них столько, что опыта по этому грустному распознаванию у нее накопилось гораздо больше, чем надо. У отца много таких приятелей по интересам было. То есть по совместному истреблению собственного человеческого достоинства. И ее, маленькой девочки Нади, достоинства, выходит, тоже. Потому что оно, это достоинство, вовсе не увеличивалось в размерах после их с мамой героических ежевечерних походов в поисках загулявшего мужа и отца с последующим героическим же вытаскиванием его из толпы пьяных люмпенов. А потом Надя очень стеснялась, когда они с мамой волокли свое пьяное сокровище сначала по улице, потом через двор, потом тянули по лестничной клетке. Однажды она осмелела немного и спросила у мамы: зачем? Зачем они так бездарно тратят свое время, если можно жить совсем, совсем по-другому? Мать тогда, запомнила она, очень рассердилась на нее. И долго объясняла, что нельзя бросать близкого человека в беде, что надо бороться за него до последнего. Потому что, кроме них, больше никому. И кто-то все равно должен. А иначе это низкое предательство получается. И вообще, он ей родной отец. И маленькая Надя молчала пристыженно и все равно не понимала, как можно бороться за человека, если сам он за себя бороться ну никак не желает. А потом она свыклась как-то. И приняла в себя это мамино «кто-то должен». И сама уже объезжала на велосипеде все знакомые злачные места, чтоб успеть подхватить отца еще тепленького, чтоб самой дотащить до дому, мать лишний раз не напрягая.

Ночной ее гость действительно был в этом плане непорочным. Она это видела распрекрасно, хоть и несло от него знакомым с детства духом похмельной абстиненции, незабываемым и тошнотворным. Да и одежда на нем была не та. Хорошая была одежда, дорогая. Надя недавно Вите такую же рубашку в крутом бутике покупала и знала, сколько она стоит. Четверть зарплаты пришлось отдать. Да и костюм, и ботинки. И еще – выражение лица, совсем по-детски испуганное. Не бывает таких лиц у алкоголиков. Уж Надя-то знала.

– А сейчас уже утро, да? – наивно поинтересовался «не алкоголик» и снова взглянул на нее доверчиво-виновато. – Вы простите меня, ради бога... Как вас зовут?

– Надежда. Меня зовут Надежда. Только процесс знакомства мы развивать не будем. Мне на работу надо собираться, знаете ли. Опоздать могу.

– Да, да... Извините... Извините, конечно. Я пойду. Спасибо вам, Надежда.

Он с трудом поднялся на ноги, потом снова качнулся опасно и постоял несколько секунд с закрытыми глазами. Надежда развернула его за рукав к двери, открыла ее пошире, и он шагнул за порог, изо всех сил стараясь держаться молодцом. В следующую секунду она ощутила что-то вроде то ли прилива жалости, то ли совести и спросила в удаляющуюся от нее спину:

– Эй! А деньги на такси у вас есть? Вам бы домой надо, иначе в таком виде просто не дойдете.

Не дожидаясь, пока суть вопроса дойдет до его попорченной скалкой головы, она торопливо сунулась в комнату, куда предусмотрительно с вечера отнесла свою сумку. Выхватив из кошелька две сторублевые бумажки, снова бросилась назад, перехватила ночного гостя уже на лестнице и сунула ему в пиджачный карман-листочку, еще и похлопала по этому карману ладошкой, пытаясь таким образом отпечатать в его временно больной памяти этот факт: тут, мол, тут деньги на такси лежат. Парень кивнул отрешенно и снова продолжил свой трудный путь вниз по лестнице, держась дрожащей рукой за перила. «Хоть бы спасибо сказал, – подумала Надежда с обидой. – Какая же я добрая все-таки, аж самой противно... Еще и денег дала, будто это я к нему в дверь ночью вломилась...»

Выпроводив гостя, она снова отдалась назойливо-тревожным мыслям по поводу грустного события: Витя-то так и не пришел. Вот это было горе. Настоящее, женское. Грозящее перейти в катастрофу и полное разрушение почти уже свитого семейного гнезда. Обидно. Муж непьющий по паспорту есть, квартира, хоть и однокомнатная, есть. А гнезда, выходит, и нет уже? Нет-нет, не надо об этом даже и думать! Все образуется, все непременно образуется. Вот Витя придет и объяснит ей, где он был. Сам объяснит. А она даже и спрашивать его ни о чем не будет. Она такая. Она мудрая. Она так гнездо вьет.

Лицо после не смытой на ночь косметики капризничало, не желало ни в какую выглядеть свежо и румяно. А может, не от косметики, а от женских переживаний. И глаза из зеркала глянули совсем уж затравленно. Точно такие глаза были когда-то у мамы, когда она ждала папу с работы. Ну что ж, надо выходить из дому с таким лицом, ничего не попишешь. Рабочий день с его заботами никто для нее не отменял.

В довершение ко всем неприятностям она еще и на работу опоздала, что в их конторе приравнивалось практически к должностному преступлению. Работу вовремя не сделать или плохо ее сделать – это вам пожалуйста, это легко прощалось, а вот опаздывать – ни-ни! Надежда долго не могла понять принцип такого отношения к делу, но потом по привычке как-то, смирилась с тем, что главная ее задача – вовремя плюхнуться в свое рабочее кресло, а потом уж можно и отдышаться, и кофею испить, и дополнить утренний макияж последними штрихами. А сама по себе работа подождет. Впрочем, ни у кого из старых сотрудников начальственные странности к такому болезненному соблюдению дисциплины труда вовсе не вызывали удивления, потому как директором их фирмы была дама в очень спелом уже возрасте, начавшем свое созревание еще в годы незабвенного социализма, когда работницы отделов кадров со свойственным им служебно-мазохистским рвением проводили рейды и считали по головам на пять минут опоздавших. Опоздавшие трепетали при этом униженно и писали жалостливые бумаги-объяснения на имя начальника под, опять же, грозным и сладострастным взглядом кадровичек и ждали дисциплинарной кары, как приговоренные. На Надиной теперь фирме письменных объяснений никто, конечно же, не требовал, но пятиминутное чье-нибудь опоздание могло навлечь начальственный гнев и на остальных сотрудников тоже, причем на весь день, и потому солидарности ради приходилось плюхаться на свое рабочее место ровно в половине девятого. Тут уж вдребезги разбейся, а будь добра, плюхнись. Уважь начальственный принцип.

Хотя, если судить по большому счету, начальницей своей они были довольны. Тетка как тетка, харизматичная такая. Бывшая домохозяйка при состоятельном муже, по причине наступившего в одночасье вдовства вынужденная с головой уйти в заботы по добыванию средств на пропитание и обучение двоих несовершеннолетних детей. Средства добывались поначалу плоховато, а потом ничего, извернулась-развернулась их директриса, обширную клиентуру завела, и без рекламы к ней народ валом валил. Занималась ее фирма ремонтом квартир. Быстро, качественно, дешево. Слух об этих трех основных показателях

моментально перелетал из уст в уста, и народная тропа к их офису никогда не зарастала, от заказчиков отбою не было. Все у нее, у директрисы Елены Николаевны, было устроено и отлажено, и юрист в лице Надежды тоже ее устраивал. Она ее поначалу даже и похваливала частенько: молодец, мол, никаких проволочек с договорами... А потом как отрезало. Хвалить перестала напрочь, а потом и придирается начала по каждой несущественной мелочи. Очень уж гневливо придиралась. И чем больше Надежда старалась, тем большее вызывала раздражение в свою сторону. Хотя ей иногда и казалось, что раздражение это смахивает скорее на досаду: черт бы тебя, мол, побрал, зачем так хорошо работаешь...

Все прояснилось довольно неожиданно. Глаза на положение дел ей открыла по доброте душевной бухгалтерша Сонечка, знавшая начальницу ближе всех. Дочка Елены Николаевны в этом году заканчивала юридический институт, и пристроить дитя было совершенно некуда. «Ну сама посуди, Наденька, кто ее возьмет на работу без стажа? Никто и не возьмет. Хотя бы два года нужно где-то ребенку поработать по специальности? Обязательно нужно, чтоб на приличное место взяли, – вздыхала Сонечка сочувственно. – Вот она и должна тебя выжить культурненько. Она ж тетка порядочная, не может вот так, с бухты-барухты, объявить, что ей дочку пристраивать надо. Ты тоже ее пойми...»

Надежда и понимала, чего уж. И она для своей дочки так же бы порадеть старалась. Чего тут такого-то? Они вообще все на фирме восхищались материнским подвигом начальницы, потому что не каждая вот так и сможет – из домохозяйек да сразу в добытчицы. Молодец, женщина. Выводит своих детей в люди... Старший ребенок Елены Николаевны, взрослый сын, по слухам, уже был «в людях», то есть встал на светлую дорогу самостоятельных заработков, и она, говорили, очень этим обстоятельством гордилась. А вот с дочкой проблемы возникли. Жаль. Надежда успела уже привыкнуть и к офису, и к сотрудникам, и даже к дороге из дома на работу. По пути магазинов продуктовых многих всяких. Надо было искать другое место, конечно, но она все тянула. Думалось, может, проблема с дочкой как-нибудь рассосется... Да и вообще, дипломы в институтах когда защищают? В июле. А на дворе только май. Так что два-три месяца у нее в запасе точно еще имелось. А там видно будет...

В это утро настроение у Надежды было ужасным, и прежней покладистости в мыслях как-то не наблюдалось. И себя было очень жалко. Ну в чем, в чем она-то виновата, что начальнице дочку под бок захотелось пристроить? Еще и взглядом вызверилась, когда увидела ее, опоздавшую, и без того униженно-

запыхавшуюся. Ей вот и дела нет, что у Надежды тоже проблемы! И муж дома не ночевал, и придурок какой-то пьяный в квартиру ввалился. А за опоздание она на ней точно сегодня отыграется, как пить дать. На полную катушку. И пусть. Только бы Витя домой вернулся. Только бы все обошлось хорошо. А может, он уже дома?

Влетев в свой кабинет, покрутившись на стуле и слегка отдышавшись, Надя набрала номер домашнего телефона, замерла с трубкой в руках. В ухо назойливо полезли длинные гудки, безнадежные и равнодушные. Каждый одинаково монотонный сигнал прошивал растревоженное сердце насквозь, и оно прыгало в отчаянии ожидания, словно в предсмертных конвульсиях билось. А когда совсем уж было собралась положить трубку, чтоб не мучить себя понапрасну, длинный гудок вдруг оборвался Витиным сердитым голосом:

- Да! Слушаю!

- Ой, Витенька... Ты дома... - пролепетала Надежда ласково и виновато. Так виновато, что от самой себя противно стало. Но она тут же прикрикнула на себя изнутри - ишь, чистоплюйка какая! Противно ей от себя, видишь ли. Надо гнездо спасать, а ей противно.

- Ну да. Дома. А что такое? - с вызовом спросил Витя и замолчал, будто ожидая адекватной реакции. Выговора то есть. Или истерики. А может, и скандала даже.

- Да нет, ничего, - овечкой проблеяла Надежда в трубку. - Дома, и слава богу.

- Ну, если тебе так это необходимо, я могу, конечно, объяснить.

- Нет, Витечка, не надо. Что ты? Я тебе и так верю. Раз не пришел, значит, так надо было.

- А чего звонишь тогда?

- Да волнуюсь просто. Мало ли что могло случиться. Ты же даже не предупредил.

– Ну-ну... Давай, начинай, чего ты! – снова с вызовом проговорил Витя. – Да, не предупредил! И что? Давай! Ну? Чего ты все время мямлишь, как клуша?

– Клуша кудахчет, Витя. А я не мямлю. И начинать вовсе ничего не хочу. Ты там позавтракай, в холодильнике сосиски найдешь, и яичницу сделай.

– Нет. Не хочу ничего. Спать лягу.

– На работу не пойдешь?

– У меня отгул. И не звони, не буди меня больше!

Ей показалось, что он с силой шмякнул трубку о рычаг. Хотя с чего бы? Гудки пошли короткие, и никакого шмяканья в них не слышалось. Надо же, еще и клушей обозвал. Какая она ему клуша? Клуши – это которые дома за спиной мужа сидят да детей растят к обоюдному супружескому удовольствию. Которые могут себе позволить поесть то, чего им хочется, и напялить на себя то, что поудобнее. И никаких высоких каблуков им не надобно. И наращенных белых кудрей. Вот счастливые... А она никакая не клуша вовсе. Она худая неприкаянная птица, выющая свое гнездо. Только зачем его вить, скажите на милость, если даже птенцов высиживать в этом гнезде ей заказано? Не время будто. А когда оно будет, это время? Когда непьющий адекватный муж в досталь нагуляется?

От грустных мыслей ее отвлекла приветливая бухгалтерша Сонечка. Заглянула, мотнула головой призывно:

– Надюшка! Пойдем чайку пошвыркаем, пока начальницы нет!

– А где она? – удивленно уставилась на нее Надежда. – Я ее только что в коридоре видела. Она меня с опозданием застукала.

– Не знаю. Ей дочка позвонила, она вся позеленела и тут же умчалась куда-то. Верочка, секретарша, говорит, будто с сыном что-то случилось. Теперь это надолго. Сегодня вообще вряд ли появится. Так что можешь линять пораньше, а то видуха у тебя...

– А что видуха?

– Да нет, ничего... Такое чувство, будто похоронила ты кого. Случилось что-то, да? Что-то личное?

– Да ничего у меня не случилось. Все отлично.

– Ага, рассказывай. У тебя вид такой по-бабски загнанный, будто унизили тебя чем. Что, муж загулял?

– Ой, да перестань придумывать! – как можно беспечнее рассмеялась Надежда и даже легонько рукой махнула в сторону бдительной Сонечки. – Ничего подобного, не выпалась просто.

– Да я-то перестану, конечно... А только меня все равно не обманешь, Надь. Я почти в два раза дольше тебя на свете живу. Знаешь, как говорят? Ты, мол, и сам про себя еще ничего не знаешь, а деревня уже все про тебя знает. Я эту мудрость давно уже усвоила. Так что притворяться веселенькой, когда на душе кошки скребут, смысла нет. Смешно и жалко выглядит. Поверь мне. Лучше сразу душу нараспашку да морду слезами всмятку – и к народу, к народу.

– Не хочу, Сонь, – тихо повернулась к ней Надя. – Отстань, не хочу. И чаю не хочу тоже. Я лучше и в самом деле пораньше сегодня смоюсь.

– Ну, как хочешь. Только не кисни, ладно? Смотреть же на тебя больно. Такая девка умная-красивая...

* * *

Она тихо, совсем тихо открыла дверь, занесла пакеты с продуктами в прихожую. Не удержалась, понюхала висящую на плечиках Витину ветровку. Так и есть, теми же духами пахнет... Стараясь производить как можно меньше звуков, прошла на кухню, закрыла за собой дверь. Ну что ж, женушка-клуша, или мямля, или птица худокрылая, давай, готовь вкусный ужин своему уставшему от утех мужу. Он проснется, поест и опять уйдет. А ты сиди тут, стереги свое гнездо. Мудрая ты наша женушка. Черт бы побрал всю эту вашу мудрость, трезвость, правильность и адекватность, вместе взятые! А что делать? Так надо. Хочешь

сохранить семью – терпи. Где ж еще такого мужа найдешь, чтоб не пил, не курил.

Вздыхнув, Надя принялась разгружать сумки, соображая на ходу, что бы такого очень вкусного приготовить для Вити. Необыкновенного такого. Готовить Надежда любила. И все у нее всегда получалось отменно и вкусно, не хуже, чем в ресторане. Особенно то, чего самой есть нельзя. Запеченная в духовке свинина, например. Красиво – аж слюнки текут. А запах... Боже, какой запах, с ума можно сойти! Так и жила бы рядом с этим румяным куском. Нет, лучше бы съела его в один присест! Только нельзя. Нельзя. Надо договариваться с организмом срочно, чтоб не ныл и не стонал. А если договора не получится, то придется просто приказ ему жесткий отдать. Нельзя, и все тут! Сам виноват – зачем так остро реагирует на все вкусное-калорийное? Хочется ему, видите ли... А потом что, опять расплачиваться придется? Только стоит чуть-чуть потерять бдительность, глянь, уже и складки предательские на боках выползают. Противные такие, лезут со спины и все норовят повиснуть на талии, как наказание за съеденные лишние калории. «Пояс шахидки», как их насмешливо называет Витя. Тоже, нашел сравнение. Она даже вздрагивает всегда испуганно от этих ужасных слов. А Вите хоть бы что. А самое ужасное, что из этой его насмешливости еще и презрение, бывает, выглядывает. Нестерпимое. Так что уж бог с ней, со свининой. Пусть ее Витя сам ест.

Надежда еще раз заглянула в духовку, полюбовалась на вожаделенный кусок мяса и повернула рычажок выключения. Теперь уже само дойдет. Когда Витя проснется, будет в самый раз. Теперь можно подумать и о своем скорбном питании. О том, после которого проклятый «пояс шахидки» не посмеет нагло выползти наружу. Хотя чего тут думать – выбора особого все равно нет. Нарезать кусочками ананас, кубиками белую куриную грудку, заправить все это обезжиренным йогуртом... Ну, можно еще бросить горсть сухих овсяных хлопьев для большей сытости... Фу, гадость какая. Зато калорий мало. Ничего-ничего, нормальный ужин. Сейчас Витя проснется...

Надя осторожно приоткрыла дверь кухни, на цыпочках прошла по узкому коридорчику, заглянула в комнату. Спит. Разбудить, что ли? Семь часов уже. Или не надо?

Сомнения ее разрешил звонок в дверь, длинный и настойчивый. Ветка, что ли, приперлась? Ладно. Втроем и поужинаем. Только бы без детей, а то Витя не любит их шумной возни. Хотя, конечно, она с детьми. Куда она их денет-то? Если

с детьми, придется выпроводить. Она не обидится, она вообще девушка хоть и гордая, но понятливая. И Витя вон проснулся, голову с подушки поднял.

За дверью стояла не Ветка. За дверью стоял ее ночной гость. И не один. По бокам к нему плотно прилепилось еще двое. Все суровые, серьезные и совсем не пьяные. Выстроились дружной троицей, смотрели на нее молча. Ночной постоялец глядел как-то очень уж виновато, переминался с ноги на ногу. А эти двое странно так смотрели, будто она не внушала им никакого доверия или тоже виновата была в чем.

– Так, можно войти, гражданочка? – Первым нарушил молчание один из сбоку прилепившихся. И тут же решительно шагнул в прихожую, чуть подтолкнув ее ночного знакомого в спину. – Вы извините, что мы вот так врываемся к вам, но что делать? Обстоятельства заставили.

– Какие обстоятельства? – отступила Надежда на всякий случай подальше и испуганно оглянулась в сторону комнаты. – Не знаю я никаких обстоятельств.

– Да? Не знаете? И человека этого вы не знаете? – заинтересованно протянул другой из прилепившихся, положив мощную ладонь на плечо ее ночного гостя.

– Ну, не то чтобы я его не знаю... Он... Как это сказать... В общем, я с ним не знакомилась.

– А вот Александр Андреевич утверждает, что предыдущую ночь он провел в вашей квартире! Обманывает нас, значит?

– Да нет, не обманывает! Он действительно ночевал здесь, в моей квартире. Но я повторяю, я с ним и не знакома даже.

– Да? Интересно, интересно.

– Да ничего интересного здесь нет! – с досадой проговорила Надежда, поспешно обернувшись к стоящему в дверном проеме заспанному мужу. – Витя, я тебе все сейчас объясню!

– Да уж, объясни, пожалуйста, – холодно и нервно проговорил Витя и медленно сплел руки на груди в тугой наполеоновский жест и поиграл красиво рельефными мышцами, что означало – сержусь я. И не просто сержусь, а очень сильно сержусь. Может, где-то и оскорблен даже. Надежда очень хорошо знала этот его жест. И ничего хорошего он ей не предвещал.

– Ну-ну, гражданочка, слушаем вас, – садистски проговорил тот, который держал за плечо ее виноватого ночного гостя. – Значит, вы не знакомы, но ночь он провел в вашей квартире. Так?

– Да. Получается, что так, – обреченно произнесла Надежда, отвернувшись от Вити. Потом снова обернулась к мужу и, прижав руки к груди, быстро заговорила: – Тебя же вчера не было... А я ждала, что вот-вот... А потом слышу – ключ кто-то пытается в замочную скважину просунуть. Я подумала, что это ты, схватила скалку и дверь открыла... А там он...

– А вы что, гражданочка, всегда мужа со скалкой встречаете? – весело переспросил первый прилепившийся.

– Да нет! Нет, что вы! Я просто так пошутить хотела. А он на меня заваливаться начал.

– Что, прямо сразу? – тут же хохотнул и второй прилепившийся, поддерживая товарища.

– Ну, не в том смысле... Он просто пьяный был, – уже чуть не плача от досады и оскорбительного их смеха, отчаянно протараторила Надежда. – И я его скалкой по голове ударила, изо всей силы. Вон, рана на лбу, пластырем заклеена...

– И что дальше?

– А что дальше? Он сознание потерял, наверное. И упал. Я даже подумала, что убила его. А потом Роза Геннадьевна выскочила. Это соседка из квартиры напротив. Она еще подумала, что это я Витю ударила. То есть вот, мужа моего. – В доказательство своих слов она протянула назад руку и обернулась к Вите, словно ища поддержки.

Витя по-прежнему стоял, привалившись к дверному косяку, в грозной наполеоновской позе и, по всей видимости, поддерживать ее вовсе не собирался.

– Так. И в котором часу все это произошло? – уже серьезно спросил один из сопровождающих. – Желательно поточнее вспомнить. Вы, наверное, и сами поняли уже, что мы не просто так к вам пришли. Мы проверяем показания подозреваемого, а точнее, его алиби.

– Это произошло ровно в половине одиннадцатого, – механическим голосом проговорила Надежда. – Я помню совершенно точно. Я мужа ждала, каждую минуту на часы смотрела. – И, обернувшись к Вите, добавила грустно: – Да, каждую минуту.

– Так. Ясно. Вы ударили скалкой, он упал. И дальше что?

– А дальше ничего. Я испугалась, думала, убила человека. А потом Ветка пришла. Это соседка с первого этажа. Она сказала, что я его не убила, что он лежит так, потому что пьяный, а не убитый. Ну мы его затащили в прихожую, и все. Он большой, нам бы на лестничную клетку его и не вытащить было... А потом Ветка домой ушла – у нее дети там одни. А я дверь в комнату закрыла и спать легла. А утром он проснулся и ушел.

– Где проснулся? – снова хохотнул остроумный сопровождающий, стрельнув глазом в сторону Вити.

– В прихожей, где, – обреченно протянула Надя, не смея уже и оборачиваться к Вите.

Он и сам вскоре отлепился от дверного косяка, встал перед ней каменной стеной и протянул к смешливому мужику руку:

– Документы ваши покажите!

– Ой, да это мы пожалуйста! – с готовностью распахнул тот перед ним удостоверение. – Ты не сердись на нас, мужик, чего ты... Работа у нас такая... Ты лучше проведи нас в комнату, нам надо бумаги наши оформить, показания

записать. Мы жену твою долго не задержим, не переживай. И еще нам бы сюда соседок этих двух привести, как их там... Ну, которые видели...

Они пробыли в квартире еще полтора часа. Роза Геннадьевна с удовольствием давала показания, успев по пути в подробностях изложить всю шестьдесят седьмую латиноамериканскую серию, которая как раз и заканчивалась, когда она вернулась домой, став свидетельницей происшествия. Ветка пришла с хныкающей Машенькой на руках, изложила все предельно лаконично и удалилась – ребенка пора было спать укладывать. Ночной гость по имени, как выяснилось, Александр, сидел в кресле, горестно уставившись на свои ботинки, страдал молча. Витя стоял, подперев плечом косяк, смотрел гордо и презрительно на все это действие, тоже молчал. Наконец все ушли. Подозреваемый Александр кинул на Надежду исподлобья отчаянный виноватый и одновременно благодарный взгляд, хотел было что-то сказать, да передумал. Гордого Витинога вида испугался, наверное. Ну да и бог с ним.

А потом Витя собирал вещи. Надежда сидела в кресле, поджав ноги, провожала глазами его оскорбленную спину, молчала. Поначалу пыталась, конечно, говорить, то есть еще раз как-то объяснить, доказать полную свою в этом деле невиновность, но он ее не слышал. То есть будто ее сейчас и в комнате не было. Складывал деловито в большой чемодан наглаженные сорочки, галстуки, брюки с аккуратными стрелочками. Потом ушел, громко хлопнув дверью. Надежда вздрогнула, прислушалась к тишине, поморгала. Странно, надо же заплакать, а слез нет. Внутри было горячо и сухо, как в пустыне. А еще – горестно и тревожно. И досадно. Конечно же, надо было что-то предпринять, надо же было как-то его задержать. А она просидела в кресле, как неприкаянная. Не сохранила своего гнезда. Плохая жена, плохая птица. Клуша и мямля, и больше никто.

Автоматически протянув руку к зазвонившему телефону, услышала спасительный Веткин голос. Ветка говорила почти шепотом – наверняка Артемка с Машенькой только-только заснули, – приглашала к себе на кухню посплетничать. Она, оказывается, увидела из окна, как Витя выходил с чемоданом из подъезда, и желала знать подробности их семейного конфликта. Обсуждать эти подробности Надежде совсем не хотелось, но дома оставаться после всего произошедшего хотелось еще меньше.

– Сейчас приду, – эхом откликнулась Надежда на ее шепот. – Открой мне дверь, чтоб я не звонила.

В квартире у Ветки стоял полный кавардак, впрочем, как и всегда. Удивительно, но Надежда ни разу не застала у нее порядка. Нет, за чистотой как таковой Ветка следила с особой тщательностью, мыла-пылесосила-проветривала, но вот разложить вещи по своим местам – это уж извините. Детские игрушки валялись по полу сплошным слоем, начиная от входной двери, и вошедшему надо было проявить чудеса ловкости, чтоб не наступить невзначай на какую-нибудь пищащую резиновую собачку или маленькую машинку. К тому же везде – по столам и по стульям – были разложены большие и маленькие лоскутки ткани, и присесть, ничего никуда из этого добра не переложив и не попутав, можно было только на кухне. Дело было в том, что Ветка шила. Творила одежду на заказ, постоянно давала в газеты объявления типа «шью быстро, качественно, недорого, на любую фигуру». Получалось у нее это из рук вон плохо, зато брала она за свое «быстро-качественно» и впрямь недорого – в два раза меньше, чем всякая уважающая свой труд портниха. И тропа к ее домашней мастерской никогда не зарастала. В основном это были клиентки несостоятельные и с фигурами такими же несостоятельными, то есть расплывшимися от дешевого калорийно-модифицированного питания. Доход от этого занятия был у Ветки небольшой, но единственный. Да и времени на это занятие всегда было в обрез – только в те часы, когда дети спят. Так что после восьми вечера она лихорадочно впадала в рабочее состояние – иногда на всю ночь. Ходила потом целый день вымороченная, клевала носом и едва дожидалась послеобеденного детского сна, чтобы свалиться замертво. И никогда не жаловалась по той простой причине, что жаловаться ей было практически некому. Родственников достойных у Ветки не водилось, и приходилось рассчитывать только на свои силы, чтобы устроить себе какую-никакую жизнь. Хотя говорят, только тот в крайне стесненных обстоятельствах и выживает, кто на себя одного надеется, и Ветка могла служить для этой жизненной мудрости наглядным примером. А особенно поражало Надежду в подруге то непостижимое качество, что ей удавалось еще и денег прикапливать на «черный день». Прямо героизм какой-то – казалось, уж чернее тех дней, в которых сейчас проживала Ветка, оставшись одна с малыми детьми, и придумать больше нельзя. Ветка только плечами пожимала, слушая ее восторги по поводу своих сверхспособностей к накопительству. У нее вообще была собственной придумки теория на этот счет. Все накопители, она считала, делятся на накопителей-оптимистов и накопителей-пессимистов. Первые живут предвкушением: вот погодите, накоплю сколько нужно, тогда поживу! Полная им противоположность – вторая категория. Эти копят, пребывая в вечном страхе, – только на черный день. Вот она и копила, чтоб отделаться от этого самого страшного страха. Чтоб отдать ему кругленькую сумму, откупиться от него и жить себе спокойно.

– Заходи, только тихо... – встретила она Надежду у двери. – Иди на кухню. Чайник сама ставь, мне некогда, зашиваюсь. И в прямом, и в переносном смысле. Завтра утром клиентка на примерку придет, а мне еще все собрать-наживулить надо.

– Я не хочу чаю, Вет, – хриплым шепотом проговорила Надежда, пробираясь осторожно среди разбросанных по прихожей игрушек.

– Зато я хочу! Давай-давай, подсуетись, и бутерброд мне какой-нибудь изладь потолще. Я поужинать не успела.

– А кормить я тебя им с рук буду? Ты же шьешь.

– Можешь и с рук. Рассказывай давай, что у тебя произошло. Почему Витя с чемоданом выскочил?

– А догадайся с трех раз...

– Свалил, что ли?

– Ага. Какая ты умная, прям спасу нет.

– Вот козел! А чем мотивировал?

– Да ничем особенным. Вроде как не поверил мне, что тот, вчерашний, случайно в нашу дверь забрел. Вроде как оскорбила я его мужское достоинство тем, что в его отсутствие в доме чужой мужик ночевал.

– Вот козел!

– Ну почему козел-то? Ты что, других эпитетов не знаешь, что ли? Заладила – козел да козел.

– Нет, не знаю я других эпитетов для таких вот сволочей! У самого рыло в пуху, а жену надо виноватой сделать! Повод найти для своего же блуда!

– Да, Надь. Наверное. Ты права – ни днем, ни с огнем. Только мне иногда кажется, что нормальных счастливых баб на свете уже не осталось. Все какие-то... пришибленные. Или страхом припыленные. На иную посмотришь – вроде вся из себя гордо-самостоятельная, а внутри все равно пришибленная. Одних, как тебя вот, с детства сломали, других, как меня, потом предали. Третьим просто не везет. Четвертые счастливыми притворяются, чтоб выскочить из этого нехорошего фона. А счастливых, просто так любимых и любящих, нет! Просто нет, и все!

– Нет, Ветка, не права ты. Каждая из нас по-своему счастлива. Просто женское счастье – оно такое всегда хрупкое, ранимое. Ради него все время чем-то жертвовать приходится.

– Чем это? Собой, что ли?

Ну да... Может, и собой.

– А не слишком ли дорого это – собой жертвовать? Вот Витя твой принял твою жертву, сломал тебя, подстроил под себя полностью, и дальше что?

– А что дальше?

– А ничего! Неинтересно ему стало, вот что! Пока ломал-перedelывал, увлекался процессом, а потом просто неинтересно стало. Не влюбляются в жизни Пигмалионы в Галатей, неправда все это. Они просто их бросают, и все. Неинтересно им.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/kolochkova_vera/lyubov-ne-s-pervogo-vzglyada

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)